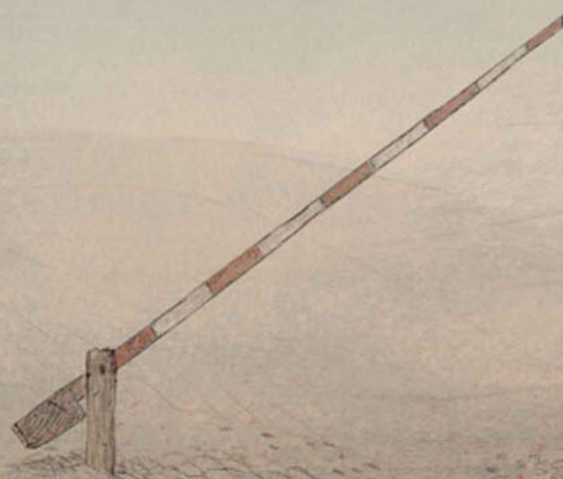

БЕННИ ЛИНДЕЛАУФ

БОЛЬШИЕ
ИСТОРИИ
для МАЛЕНЬКОГО
СОЛДАТА

иллюстрации
ЛЮДВИГА ВОЛБЕДЫ

Перевели
ЕКАТЕРИНА АСОЯН,
ИРИНА ЛЕЙЧЕНКО
И ИРИНА МИХАЙЛОВА

Бенни Линделауф

**Большие истории для
маленького солдата**

«Самокат»

2020

Линделауф Б.

Большие истории для маленького солдата / Б. Линделауф —
«Самокат», 2020

ISBN 978-5-00167-608-9

Шестерых братьев призывают в армию. По пути на фронт им нужно явиться на пограничный пост и принести дар на благо Мира. У братьев нет ни ценных подношений, ни денег, чтобы пересечь границу, но им есть о чем рассказать: о сироте, жившей на дне колодца, и о пекаре, о проклятом озере и спасении брата, о песчаной невесте, о юной святой, способной предотвратить войну, и, наконец, о карлице, ставшей куклой-марионеткой. Братья рассказывают и рассказывают истории одинокому и всеми забытому Часовому на посту, рассказывают так, словно от этого зависит чья-то жизнь. Что на самом деле верно. В этом антивоенном романе нидерландский писатель и лауреат престижных литературных премий Бенни Линделауф показывает высочайшее стилистическое мастерство, и его проза напоминает магический реализм Габриэля Гарсии Маркеса и Патрика Зюскинда. Людвиг Волбеда, иллюстрировавший и предыдущий роман Линделауфа, дополнил книгу меланхоличными и медитативными изображениями пустынных пейзажей в блеклых красках. 5 причин купить книгу «Большие истории для маленького солдата»:

- Книга как произведение искусства: высочайшее стилистическое и художественное мастерство писателя Бенни Линделауфа и иллюстратора Людвиг Волбеды;
- Лауреат престижной литературной премии Нидерландов «Серебряный грифель» 2021 года как лучшая детская книга;
- Художественный приём «истории в истории» погружает в сюжет и держит внимание читателя до конца;
- Книга о том, что все войны сменяются миром, а все истории заканчиваются;
- Перевод с нидерландского Екатерины Асоян, Ирины Лейченко и Ирины Михайловой.

ISBN 978-5-00167-608-9

© Линделауф Б., 2020

© Самокат, 2020

Содержание

История часового	7
История старшебрата	10
Бадумские пироги	13
I	13
II	13
III	14
IV	15
V	16
VI	16
VII	18
VIII	19
IX	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Бенни Линделауф

Большие истории для маленького солдата

BENNY LINDELAUF

HELE VERHALEN VOOR EEN HALVE SOLDAAT

Copyright text © 2020 by Benny Lindelauf

Copyright illustrations © 2020 by Ludwig Volbeda

Original title Hele verhalen voor een halve soldaat

First published in 2020 by Em. Querido's Uitgeverij, Amsterdam

© Е. Асоян, И. Лейченко, И. Михайлова, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом «Самокат», 2024

* * *

*«Дитя историй ты, я с одного взгляда проведала [...].
Ежели так, поведаю тебе историю мою, – вот тебе подарок за
историю, что ты рассказал».*
– Давид Гроссман, «С кем бы побегать»¹

¹ Перевод с иврита Гали-Даны и Некода Зингер. Издательство «Розовый жираф», 2011.

История часового

Если в солдаты и дальше будут набирать такую мелюзгу, подумал Часовой, то поднимать шлагбаум мне больше не потребуется. Они смогут без труда проходить прямо под ним.

По равнине брел мальчик. Раздуваемая ветром одежда болталась на нем бесформенным мешком. Пальто, рубашка и брюки были явно сшиты на вырост, хотя не верилось, что когда-нибудь он достигнет размеров, которые предвещал его гардероб. Самыми необъятными были сапоги. Роскошные сапоги. Ветер и песок отполировали их до блеска, еще не успев поцарапать. Шаркая по песку и щебню, мальчик приблизился к шлагбауму. За спиной он нес набитый доверху рюкзак.

– Стой, – крикнул Часовой, перевесив внушительную саблю с левого плеча на правое. Не ради удобства, а чтобы продемонстрировать свое оружие. Чтобы путешественники не вздумали брать в голову всякие глупости.

– Это пост номер 7787? – спросил мальчуган.

Часовой кивнул.

– И за ним война?

Часовой снова кивнул.

Он сразу узнал хрупкого мальчонку в мешковатой одежде. И эти сапоги, конечно. «Замшевые с красными кисточками», – предупреждали его.

– Какой дар ты принес на благо Мира? – поинтересовался Часовой.

Мальчик так крепко завязал рюкзак, что ему потребовалась целая вечность, чтобы его открыть. Он аж весь покраснел от напряжения.

Первой показалась мандолина. Инструмент явно берегли как зеницу ока. Струны были туго натянуты. Дерево сияло глубоким медовым блеском. Стоило мальчику выудить мандолину из рюкзака, как раздалось ласкающее слух треньканье, под стать песне.

Мальчик протянул мандолину Часовому. Тот покачал головой, хоть и любил музыку. Мальчик растерянно взглянул на него, после чего снова склонился над рюкзаком.

На этот раз оттуда выполз шарф, связанный из толстой козьей шерсти. Было ясно как день, что ни одна капля не просочится сквозь мягкую пряжу. А прочные стежки надежно защищают от солнца и ветра. Идеальный подарок тому, кто несет караул на голой равнине, но Часовой вновь покачал головой.

Он дал слово.

И он его сдержит.

В третий раз склонился мальчик над рюкзаком. И достал стопку конвертов, перевязанную широкой атласной лентой. Письма пахли изысканными духами. То были, без сомнения, любовные письма. Что может быть лучше чтения долгими, темными, одинокими ночами? Но и на этот раз Часовой покачал головой.

Последний подарок возник не из рюкзака. И отказаться от него было труднее всего. Мальчик разулся и протянул Часовому сапоги. Часовой вспомнил о собственных сапогах, расплывшихся по швам, со стоптанными подошвами, и уже хотел было ответить: «Хорошо, давай их сюда и проходи».

Но он этого не сделал. Он был с Севера. Не человек – камень! Дал слово – держи.

Мальчик уставился на пустой рюкзак, затем на Часового. И беспомощно пожал плечами.

– Больше у меня ничего нет, – сказал он.
Точно так, как предсказывали.

Часовой снова переместил саблю на другое плечо. Поймав последний луч уходящего дня, железный клинок засиял, подобно далекой звезде.

– Тогда отдай мне свои уши.

– Уши?

Мальчик в ужасе скопился на острую саблю и сглотнул.

История старшебрата

Было у Старшебрата ПЯТЬ братьев, и все младшие.

Никто из них никогда не бывал на войне.

Старшебрат оказался первым.

Первым, кто износил сапоги, первым, чью фетровую шляпу намочило дождем и унесло ветром. Первым, кто спал в стоге сена, ветвях огромного дерева, и первым, кто коротал ночи в игрушечной лавке – единственном уцелевшем здании в сгоревшем дотла безымянном городе. Обугленная тряпичная кукла, подобранная в углу разграбленного магазина, служила ему подушкой.

Старшебрат никогда не задумывался, зачем его послали на войну. Не рвал на себе волосы и не вопил на всю округу: «Почему я? Почему я?»

Он просто натянул сапоги, нахлобучил шляпу и вышел из дома.

За дверью его не ждал никакой полк. И никакой сержант на него не рявкал.

Пришло лишь письмо из Министерства Войны.

Письмо «старшему брату в доме».

Что им **ОЧЕНЬ** жаль.

Что **НИКОГО** нельзя посылать на войну.

Что это преступно.

Что у них тоже на сердце скребут кошки.

Но что есть и **ХОРОШИЕ** новости.

Ибо войны

ВСЕГДА сменяются **МИРОМ!!!**

И нередко **ГОРАЗДО БЫСТРЕЕ**, чем ожидалось.

Но само по себе это не происходит.

Наступление мира.

К сожалению.

Так что не мог бы старший брат **НЕНАДОЛГО** отправиться на войну.

И лучше ему **НЕ** отказываться.

«Немедленно явитесь на пост номер 7787. И не забудьте оставить **ДАР** во **ДВОРЦЕ МИРА**».

В незапамятные времена по деревням в поисках солдат ходил Вербовщик Сыновей. В ту пору юношей еще было в достатке. Стоило ему обойти одно-два селения, как к исходу утра уже набирался целый полк – вплоть до барабанщиков и горнистов.

Ныне же мужчин осталось наперечет. Из полутора солдат полк не сформируешь. Так что, если где-то еще и попадался молодой человек, то ему приходилось идти на войну в одиночку.

Старшебрат не боялся.

Никого и ничего.

То был его величайший талант.

«Если чему-то суждено случиться, то что толку бояться?» – говаривал он.

Он хотел растолковать эту мысль своим братьям, но не мог, потому что Младшебрат всюду совал свой нос, даже в такие дела, знать которые ему было еще рановато.

– О чем это вы? – спрашивал он.

– Иди поиграй, Младшебрат, – говорили ему.

– Что вы задумали? – не отставал он.

– Сходи за дровами, Младшебрат.

В конце концов им пришлось воспользоваться шифром.

Война = праздник

Атаковать = щекотать

Ружье = зонтик

Мертвый = в отпуске

– Мне нужно на праздник, понимаете?

– А вдруг тебя кто-нибудь пощекочет?

– Мне же дадут зонтик!

– Да уж. Если повезет! А могут и не дать. Однажды утром тебя так пощекочут, что ты э-э-э... не успеешь оглянуться, как окажешься в отпуске!

– Держи, – сказал Старшебрат, вручив Младшему свою мандолину. Когда Старшебрат на ней играл, весь дом гудел, как пчелиный улей. Частенько братья танцевали Семидневный хорлепип.

– Разве на том празднике она тебе не понадобится? – удивился Младшебрат.

Было бы здорово, вздохнул про себя Старшебрат.

Вдалеке, на окраине пыльной, пустынной равнины, там, где песок как огнем обжигал уши, Старшебрат заметил странного вида треугольный предмет и горизонтальную черту. Вблизи треугольник оказался внушительных размеров палаткой. Черта превратилась в брус, преграждавший дорогу. Хотя «дорога» – это, пожалуй, громко сказано. Строго говоря, дороги как таковой не было, скорее проложенная ветром, едва заметная колея.

В прошлом шлагбаум был выкрашен в красно-белые цвета. Но на ветру и солнце краска поблекла, облупилась, обнажив голую древесину – серую и местами столь потертую, что не было видно даже текстуры.

Часовой нес вахту в шлеме, увенчанном бледно-коричневым страусиным пером. Какого цвета перо было изначально, сказать трудно, так как форма, сапоги, волосы и лицо Часового тоже были бледно-коричневыми. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что с головы до пят Часового покрывал тончайший слой песка. Возраст Часового не поддавался определению, но молод он уже явно не был. Он сидел за массивным письменным столом, на котором с обеих сторон покоились стопки бумаг. Каждая стопка придавливалась увесистым булыжником. Этот стол посреди равнины выглядел довольно абсурдно. Рядом со столом из песка торчала ужасающих размеров сабля.

– Это пост номер 7787? – спросил Старшебрат.

Прошло какое-то время, прежде чем Часовой открыл глаза. Они были ярко-зеленые, как оазис в пустыне. Часовой кивнул.

– А где Дворец Мира?

Часовой указал в сторону трепыхающейся на ветру огромной палатки позади него. То было весьма жалкое зрелище. Когда-то Дворец Мира переливался мозаикой павлиньих оттенков, но песок и щебень придали ему столь же унылый вид, что был у Часового и равнины. Полотнище болталось на каркасе, как обвислая шкура на старом животном.

– Мне надо на войну, – отчеканил Старшебрат. – Она ведь там, за шлагбаумом?

Проследив за указательным пальцем Старшебрата, Часовой кивнул. Отсюда еще день ходу. На посту война была почти незаметна. Случалось, на горизонте поднимался столб черного дыма, иной раз дрожала земля. Подчас ветер доносил издалека едва уловимый гул орудий.

Порывшись в бесчисленных ящиках стола, Часовой вынул оттуда чистый лист бумаги. Затем снял со шлема страусиное перо, окунул его в чернильницу и спросил:

– Какой дар ты принес на благо Мира?

Старшебрат достал из сумки горсть инжира, сморщенного и твердого, как грецкие орехи, – все, что у него было. Взглянув на подношение, тощий как спичка Часовой медленно покачал головой.

– Инжиром войну не оплатишь.

– Тогда возьми его себе, – предложил Старшебрат.

Часовой снова покачал головой. Объяснил, что не голоден, притом уже много лет. Все, что он пробует, имеет вкус песка. Старшебрат ощупал карманы пальто – они тоже были полны песка, надутого ветром.

– Больше у меня ничего нет, – признался он.

Часовой почесал за ухом. По шее стекла тонкая песчаная струйка.

– Ничего? – уточнил он.

– Ничего. Разве что пара-тройка историй.

Часовой водрузил страусиное перо обратно на шлем и моргнул.

– Тогда заплатишь историей.

– Какой историей? – удивился Старшебрат.

Часовому не пришлось долго размышлять.

– Историей, которая заставит меня проголодаться.

Старшебрат перебрал в голове все истории, которые знал.

– Согласен, – ответил он. – Но при одном условии.

– Хорошо, – кивнул Часовой, выслушав условие.

Бадумские пироги

I

В ту пору, когда в рот к нам еще не залетали жареные цыплята и вино не лилось дождем, стоял на земле городишко, в котором людям жилось горше, чем где бы то ни было. Бадум ютился в нагорье на юго-востоке, где земля была каменистой и бесплодной. Мучительным трудом горожане добывали себе пропитание. Случалось, в Бадум заглядывали трубадуры. Они поднимались в город из долины, через глубокое ущелье, рассекающее нагорье. Однако подолгу никогда не задерживались – их песни уносил порывистый ветер. Вдобавок жители Бадума были бедны. Вместо денег трубадуры увозили с собой новые песни.

*Бадум, Бадум, Бадум,
Матери-Земли сломанный хребет.
Бадум, Бадум, Бадум,
Никчемный Божий дар, сулящий столько бед.
Бадум, Бадум, Бадум,
На улицах стоит гробовая тишина.
Бадум, Бадум, Бадум,
Неприглядная, забытая богом дыра!
Неприглядная, забытая богом дыра!*

II

Первыми путника заприметили пастухи.
– Что? – только и вымолвил первый пастух.
– Куда? – спросил второй.

Скупость служила им второй натурой, к тому же произносить слова на равнине было, прямо скажем, небезопасно. Неистовый ветер хватал их за шиворот, выворачивал наизнанку и опрокидывал вверх тормашками, пока не перемешивались все буквы. Нередко случалось, что твое сердечное приветствие при встрече закадычного друга долетало до его ушей в настолько искаженном виде, что хоть стой, хоть падай: ему слышалось, что ты вознамерился его убить и ограбить.

Путник наверняка был знаком с коварством ветра. Он махнул рукой в сторону Бадума и ответил:

– Туда. Жить.

Пастухи закивали, хотя и сочли его чокнутым. Кому в те дни могло взбрести в голову поселиться в Бадуме?

Внезапно один из пастухов встревожился. Тихомолком он указал на кучку камней, усеивавших нагорье. За ней промелькнула чья-то нога. Над другой кучкой показались две маленькие головки. Раздался злобный смешок.

Пастухи поспешили дать деру.

В ту пору в окрестностях Бадума орудовали шайки беспризорников. То были малолетние сорванцы, по которым плакала тюрьма, прирожденные мстители, будущие воры, вымогатели и убийцы.

Первый камень упал путнику прямо под ноги. Не успел он ступить и трех шагов, как камни посыпались на него градом, и к полуразрушенным городским воротам Бадума он подошел весь в шишках и царапинах.

Один из шкодников, парнишка не старше семи лет, со сломанным боксерским носом и такой прозрачной худобой, что было видно, как бьется его сердце, натянул рогатку. С жужжанием зеленой мухи черепок пронесся по воздуху и вонзился в городские ворота.

Путник вскрикнул и ощупал ухо, из которого хлынула кровь.

Поднялось радостное ликование.

Только после шумного появления возле городских ворот начальника полиции и его подчиненных беспризорники разбежались.

– Стоять! Именем закона! – крикнул начальник полиции скорее для проформы, потому как сорванцов уже и след простыл. Он бросил осуждающий взгляд на чужака, который все еще сжимал кровоточащее ухо. Затем посмотрел на торчащий в воротах черепок. И лишь тогда заметил, что у незнакомца оторвана мочка уха – она все еще подрагивала на кончике черепка.

– Вы что-нибудь видели? – угрожающе осведомился начальник полиции.

Путник помотал головой.

– Здесь что-то случилось?

Путник снова помотал головой.

На том разговор и закончился.

Странник разместился в пустующей пекарне за базарной площадью, в самом конце проулка вдоль высокой стены монастыря. В тот же вечер над входной дверью появилась деревянная вывеска.

Антуан из Парижа: домашние пироги с мясом!

Жители Бадума лишь пожали плечами – какая чепуха! Последнюю свинью съели аж десять лет назад, а бадумские козы славились тем, что давали молоко, демонстрировали чудеса эквилибристики и даже могли определять время, вот только мясо у них оказывалось несъедобным. Они пожирали все, что попадалось им на пути, то есть по преимуществу песок и камни. То, что оставалось после разделки туши, было каменисто-песчаным, как берег реки, и даже в маринаде из оливкового масла, десяти зубчиков чеснока, пучка зелени и двух долек лимона не приобретало никакого вкуса.

III

Жила в ту пору в Бадуме ни на что негодная девочка. Если случалось ей пасти коз, она теряла полстада, когда мыла тарелки, то разбивала вдребезги все до единой, а на плетение и ткачество у нее не хватало терпения.

Девочка была ничья. Эка невидаль. В Бадуме свирепствовали землетрясения. А о сиротских приютах никто слыхом не слыхивал.

Жила она в старом, заброшенном колодце. Когда-то в нем была вода, а вокруг кипела городская жизнь – до великого землетрясения, опустошившего колодец.

Девочку звали Нинетта. В колодце она уютилась с младшим братом Лоботрясом III. Жить там было не так уж неудобно, как вы могли бы подумать. На дне хватало места для стола с двумя табуретками. Стол одновременно служил кроватью. Расковыряв кладку, Нинетта вынула несколько рядов камней из округлой стены и использовала образовавшуюся нишу для хране-

ния нехитрой домашней утвари: двух половинок тарелки, ножа, ложки и чашки без ручки. То были предметы, украденные ею во время злополучного мытья посуды.

Веревочная лестница, в прошлом висевшая в колодце, давно пропала. Взамен прежней Нинетта соорудила винтовую лестницу из тридцати крупных тарелочных осколков, возносившуюся вверх с самого дна.

Зимой Нинетта и Лоботряс III разводили огонь. Дым взвивался по узенькому дымоходу, проложенному ими в кирпичной стене. Когда шел дождь, они закрывали колодец крышкой. А летом лежали на столе-кровати в прохладной глубине, смотрели в темно-синее ночное небо и считали звезды: «Раз, два, три». Больше звезд из колодца видно не было. Временами выглядывала луна, заливая таинственно-голубым светом причудливые рисунки из царапин и ложбинок на стенах колодца. Дети придумывали им названия.

– Мать, – произносил Лоботряс III. – Отец. Дом.

– Волк, – говорила Нинетта. – Ураган, богатство.

Однажды Лоботряс куда-то запропастился. Исчезновение младшего брата не удивило Нинетту. Он от рождения был перекасти-поле. В три года он уже в одиночку скитался по нагорью. Находил яйца голубей, из-за отсутствия деревьев гнездившихся в норах. Ловил и жарил на костре крыс и точно знал, у какого из чахлах растений есть корни, утоляющие жажду. В своей страсти к бродяжничеству не раз подвергался опасности. Он был весь в шрамах, а упав как-то со скалы, повредил, на свою беду, правую руку. Из нее ушла вся сила, так что ни одна детская шайка не принимала его в свои ряды. Ведь одной рукой тырится меньше, чем двумя. Вообще-то, Лоботряс III не был братом Нинетты. Равно как Лоботряс I и Лоботряс II. В один прекрасный день они просто возникли непонятно откуда, как кошки. И так же, как кошки, внезапно исчезли.

И все же в тот вечер, когда на краю колодца снова показалась луна, Нинетта поймала себя на том, что непроизвольно повернулась лицом к каменной стене и прошептала придуманные ими с Лоботрясом названия.

После чего провалилась в сон без сновидений.

IV

В какой именно день это случилось, никто в точности потом не помнил. Может, в воскресенье, а может, и в понедельник. Утром, но, возможно, и в полдень или аккурат под вечер; воспоминание это стерлось из памяти. Только в то утро, днем или вечером воскресенья или понедельника улицы Бадума вдруг заполнил нежнейший аромат. Он закружил по переулкам, огибая углы домов, взвиваясь по лестницам и опускаясь в подвалы. Аромат был сладковато-копченым, пряным с горчинкой.

Прохожие в изумлении замедляли шаг и глубоко вдыхали.

Впоследствии трубадуры будут петь, что улицы Бадума опустели и нескончаемая вереница людей потянулась за запахом, развернув носы в сторону пекарни. Всем, несомненно, известно, что трубадуры вечно преувеличивают. То были лишь самые любопытные, главным образом беспризорники, не в состоянии совладать с собой. Небольшая процессия, человек девять-десять от силы.

Проявил ли Антуан злопамятность, когда они возникли на пороге?

Захлопнул ли дверь у них перед носом?

Разумеется, нет. Пекарь раздал всем по куску мясного пирога и пригласил самых дерзких осмотреть печь. Он долго извинялся перед опоздавшими за то, что пироги закончились, и обещал напечь еще в ближайшее время.

– Это чудо! – кричали горожане. – Попробуешь – язык проглотить.
Так оно и было.
Вкус пирогов старицей оправдал обещание аромата.
Никто и нигде еще не пробовал столь восхитительного угощения.

V

*Кто делает лучшее тесто
И лучший в мире пирог?
Как пахнет корочка чудесно!
И до чего ж румяный бок!
Нет лучше пекаря в мире,
Антуан наш знает секрет!
И слава его все шире,
Из Бадума шлет он привет!*

Прослышав о божественном вкусе бадумских пирогов, герцог из соседних нижних земель заказал их десяток на званый обед. Пригласили епископа, невыносимого ханжу, сидевшего на строгой диете из религиозных соображений. Он кичился тем, что выпивал не больше пяти капель воды в день и съедал не больше пучка салата в неделю. Говорят, что при виде бадумских пирогов губа епископа задрожала и он разразился истошными рыданиями. Потребовалась помощь четырех лакеев, чтобы оттащить его преосвященство от пирогов. Благодаря той истории слава бадумской выпечки лишь приумножилась.

Для такого сонного городишки, как Бадум, мэр и местная знать стали действовать на удивление скоро. Вход в Бадум расчистили от опасных каменных глыб, вот-вот грозивших обрушиться, и от толстого слоя щебня, уже не раз вызывавшего лавины. Из долины в город теперь вела лестница из девятисот тридцати двух ступенек, вырубленных в скале.

Сам город тоже основательно обновили: вымостили труднопроходимые улочки, снесли или отреставрировали дома-развалюхи. Нерешительно открыл свою лавку первый бакалейщик. После того как ему удалось удержаться на плаву, его примеру последовали портной и мясник. Распахнул двери трактир. А за ним еще две таверны.

И это было только начало.

VI

Нинетта отродясь не плакала. Ни тогда, когда ее одиннадцатиглавою семью поглотила разверзшаяся земля, ни тогда, когда ее отвергли банды беспризорников, ни даже тогда, когда ее покинули Лоботрясы I, II и III.

Но в тот день, когда в пылу обновления города мэр Бадума решил восстановить старый колодец, в тот день, когда Нинетту прогнали, ее деревянный стол пустили на дрова, а нож, ложку и чашку прикарманили, она залилась слезами. То были слезы негодования, такие жгучие, что оставляли на щеках красные следы.

Схватив никому не приглянувшиеся половинки разбитой тарелки, она убежала из города.

Обнесенное стеной небольшое кладбище аббатства было не единственным, но самым старым в округе. Просевшие, кособокие, потрескавшиеся надгробия с почти неразборчивыми надписями дышали на ладан.

В центре кладбища стоял миниатюрный, безмянный, покосившийся склеп с чугунными воротами, пугающе скрипящими на ветру. Нинетта была не робкого десятка, да и выбора у нее не оставалось. Протиснувшись сквозь ворота с черепами, она спустилась по трем кривым ступенькам внутрь склепа, прижала к себе тарелочные осколки и заплакала, чтобы побыстрее уснуть.

Ей приснились родители. По крайней мере, ей казалось, что это они. Толком Нинетта не знала, как они выглядят. Во сне они всегда стояли слишком далеко от нее. Либо их загораживала назойливая ветка, которую никак не получалось убрать.

VII

После многолетней бессонницы мэр Бадума снова обрел сон.

Кого только к нему раньше ни приглашали: гипнотизеров, знахарок, лозоходцев и даже русский хор из двенадцати человек, специализирующийся на колыбельных песнях, – все тщетно.

Лишь теперь, когда пироги вывели Бадум из летаргии, мэр вновь спал как младенец. Однажды ночью он, правда, проснулся от легкого бурления в животе. Но вместо того, чтобы по обыкновению изводить себя раздумьями, лежал блаженно-томный в своей постели.

Бадум вернул себе былой шарм, мысленно улыбался мэр. Дома, улицы и переулки блестяли на радость приезжим. Старая городская стена, прежде до того обветшалая, что на нее уже давно махнули рукой, стояла как новенькая с реющими на ветру знаменами. К жителям Бадума вернулись пружинящая походка и гордая осанка. Даже беспризорники, эти разбойники, третирующие весь город, и те, казалось, присмирели. Во всяком случае, теперь у начальника полиции было с ними куда меньше хлопот.

Бурление в животе усилилось. Мэр повернулся на бок. Не наградить ли пекаря лентой или орденом за заслуги? Без лишней помпы, разумеется, – не стоит внушать ему мысль, что город расцвел благодаря его стараниям. Разве ему не дали крышу над головой, когда он притащился сюда без гроша в кармане? И разве именитые горожане, в первую очередь мэр, не наделили его возможностями, о которых простой пекарь и мечтать не смел? Нет, никакого ордена. Что-нибудь поскромнее. Может, грамоту за хорошую службу или что-то в этом роде, в соответствии с его положением.

Бурление перешло в урчание. Мэр поднялся с постели и на цыпочках выскользнул из темной спальни, стараясь не разбудить жену, почивавшую в другом конце комнаты. Семена мимо детских покоев, он на мгновение задержался. Трое сыновей и две дочери дышали ровно, там и сям из-под одеяла торчали ножка, кулачок, прядь волос.

Поднимаясь по лестнице, он заметил свет за приоткрытой дверью в кладовой.

Должно быть, она пришла сюда, пока он еще спал. Она стояла к нему спиной, сверкая как драгоценный камень в свете керосиновой лампы: густые волосы волнами ниспадали на плечи, ноги белели как слоновая кость.

Мэр всегда был разборчив, что приводило его мать в отчаяние.

Но разве он оказался неправ?

Кто бы мог сравниться с красотой и добродетелью его супруги?

В тот миг он услышал, как она жует. Не чинно и размеренно, как обычно, но жадно и страстно. Спина изогнута, как у кошки. Время от времени она постанывала.

Он застыл на месте, вцепившись в дверную ручку, и не сразу сообразил, почему она вдруг обернулась.

Скрипнула дверь?

Или он подсознательно отозвался на ее стон?

Она испуганно на него уставилась. Мясной пирог был таким сочным, что сок медленно стекал по подбородку.

– Угощайся, – произнесла она.

Он посмотрел на ее миниатюрную изящную ладонь. То, что осталось от пирога, с легкостью в нее вмещалось.

В тот момент, в тот единственный ужасающий и непостижимый момент, в глубине его существа закипела неукротимая ярость, и он почувствовал, как от самых кончиков пальцев ног она вздымается к его голове.

Сейчас он желал, чтобы у него в руках оказался топор.

И чтобы одним мощным ударом он сумел рассечь ей горло.

Потом этот момент миновал. Он сказал: пустяки. И едва он это сказал, едва заметил на лице жены облегчение, как тут же осознал, что это и в самом деле пустяки, всего лишь кусок пирога, жалкий кусок пирога, ничтожный кусок пирога, да и только.

VIII

В ту пору пошла молва о том, что по кладбищу аббатства бродит недюжинного роста сатир. Его костлявая рогатая голова возвышается над кладбищенскими стенами, а пахнет от него гнилью и разложением. Стоит ему зыркнуть на человека своими сверкающими глазами, как тот сию же минуту падает замертво. Так говорили. Для тех, кто не верил, выкладывалась наводящая ужас козырная карта: чем еще объяснить найденное как-то утром возле стены бездыханное тело брата Конфуция?

– Да ведь он просто напился вусмерть!

– Ничего подобного!

– И решил прогуляться по верху стены! Потому что возомнил себя Христом, идущим по Галилейскому морю, и, качаясь из стороны в сторону, не вписался в поворот.

– Да нет же!

То было дело рук сатира. Сатира с горящими глазами. Смердящего сатира, блуждающего по ночному кладбищу. С тех пор никто больше не осмеливался приходить на кладбище после захода солнца.

Нинетта охотно подпитывала эти слухи. Когда на улице шептались о сатире, она испуганно округляла глаза и вполголоса рассказывала о своих с ним встречах. Она, разумеется, сочиняла. Поскольку спала так глубоко и безмятежно, что хоть из пушки над ухом стреляй.

И все же однажды ночью Нинетта резко проснулась. Сперва она подумала, что одна из половинок разбитой тарелки впиалась ей в бок, но потом поняла, где находится, и отчаянно затосковала. По колодцу, по Лоботрясам I и II и особенно по Лоботрясу III с его хилой ручонкой – искателю приключений, перекаати-поле, ветренику и неисправимому оптимисту. Нинетта вспомнила, как однажды три дня подряд у них не было во рту ни крошки. Дело было зимой, стояли морозы, огонь не разводился. Нинетта ревела от горя и обиды.

– Кто-то живет во дворцах, – кричала она. – С такими несметными богатствами, что в них можно утонуть. А что есть у нас? Ничего!

Лоботряс III задумчиво на нее посмотрел.

– У нас есть пустые тарелки, – произнес он таким тоном, как будто это были самые драгоценные вещи на свете. – Как бы богаты ни были короли и императоры, на тарелках у них всегда лежит то, что лежит. Фазан, к примеру, или свиные ножки. На пустой же тарелке может появиться все что угодно!

Будь у нее силы, она вlepила бы ему подзатыльник. Но она просто легла на стол, повернувшись к нему спиной. Он присел рядом, и она почувствовала тепло его тела и его дыхание на своей шее.

– У нас и одной-то пустой тарелки не найдется, – сердито проворчала она. – Жалкие две половинки.

– Иной раз две половинки – это все, что человеку нужно, – сказал он.

Нинетта провела пальцами по шероховатому краю разбитой тарелки. Она знала, что Лоботряс никогда в жизни так сильно не ошибался. От двух половинок тарелки не было никакого проку.

Как раз в тот момент она услышала звук.

Получеловеческий-полузвериный. Рычание, переходившее в стон. Нинетта медленно повернула голову в направлении звука.

И тут она увидела его: сатира.

Вернее, его лапы. Больше в дверной проем, из которого выглядывала Нинетта, ничего не помещалось. Громадные, косматые лапы, неуклюже ступавшие среди могил в сопровождении леденящего душу рычания.

IX

Той ночью действительно дул ветер, трава и вправду подернулась инеем, а одинокий сверчок без всякого сомнения оплакивал уход луны. Сгустившиеся на небе тучи тоже были самими что ни на есть всамделишными.

Однако то, что в ту ночь, выбравшись из склепа, увидела Нинетта, то, что отпечталось у нее в сознании и осталось с ней до конца жизни, напоминало самый чудовищный ночной кошмар.

Исполинских размеров сатир тащил за собой на длинной веревке мертвую козу. А за ней еще одну, и еще. Вереницу из шести мертвых коз. Вместо ног и рук у сатира были раздвоенные копыта. А вместо одежды – черно-белый мех. Ужаснее всего была голова сатира: голый череп с четырьмя рогами и горящими, как угли, глазами.

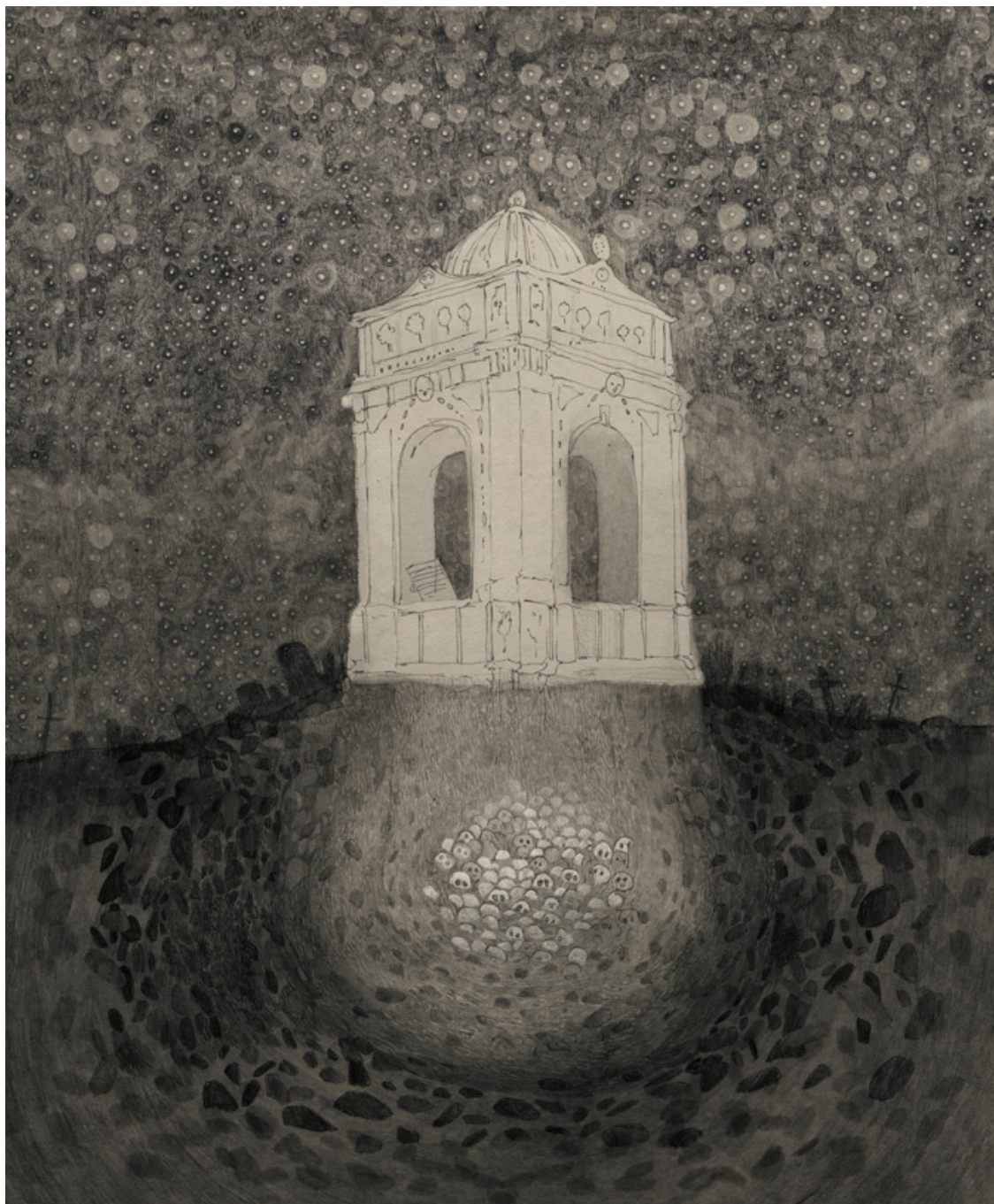
Нинетта замерла от страха, зажмурилась и начала произносить про себя все молитвы, которые помнила, даже молитву о хорошем урожае.

Под конец она уже просто молила о смерти. «Смерть, о смерть, если ты все равно придешь, то приходи скорее. Смерть, о смерть, стань удушающей петлей, ударом камня, раскатом грома, пусть только все это побыстрее закончится».

Когда в холодном поту она наконец отважилась снова открыть глаза, то увидела лишь, как копыта последней мертвой козы рывками исчезали за надгробиями.

Она не знала, откуда у нее вдруг взялась смелость. Не раздумывая ни секунды, Нинетта сунула в карман фартука две половинки тарелки и последовала за сатиром с его горящими адским огнем глазищами мимо могил и зарослей розмарина к огромному склепу.

Склеп кардинала Лепешки с полуразвалившимися галереями, башенками и безголовыми ангелами был самым помпезным сооружением на кладбище. Настоящего имени кардинала уже никто не помнил. Он наведлся в Бадум задолго до того, как землетрясение парализовало жизнь в городе. В ту пору на редкость зеленый и цветущий Бадум славился душистыми цукатами и смоковницей. Мэр пригласил кардинала посетить лимонный и инжирный сады на окраине нагорья.

Что произошло потом, доподлинно неизвестно. Кто-то говорит, что кардинал подошел слишком близко к краю обрыва и оступился. Другие утверждают, что земля ни с того ни с сего задрожала, предвещая свое пробуждение тридцать четыре года спустя.

Как бы там ни было, кардинал упал в долину с сорокаметровой высоты и разбился в лепешку. Между Бадумом и долиной разразился ожесточенный спор о том, кому хоронить кардинала. В конце концов многомесячную судебную тяжбу выиграла долина. Однако к тому времени склеп кардинала был уже сооружен.

Об этом происшествии Нинетта понятия не имела. Она пряталась за одним из надгробий в трех метрах от сатира и едва дышала от страха. Ей хотелось вытащить из груди свое неистово стучащее сердце и зарыть его поглубже в землю.

В своем ли она уме? А что, если сатир ее заметит?

Но чудовище стояло неподвижно, замкнувшись в себе, слегка покачиваясь на длинных ногах и уставившись на вереницу мертвых коз. Нинетта слышала его тяжелое дыхание. И тут, к ее изумлению, сатир снял с себя лапы, а голову положил на траву.

Страх – удивительная вещь. Вот он кажется бесконечно великим, а спустя мгновение его как не бывало.

Ночь была на исходе. Солнцу не терпелось подняться над горизонтом. Вкрадчиво запели первые дрозды. Колокола аббатства зазвонили к утренней мессе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.